

Темное дело

Глава 1 ИУДА

Осень 1803 года выдалась одной из красивейших в начале XIX столетия, в тот период, который мы теперь именуем эпохой Империи. Октябрьские дожди напоили луга живительной влагой, кроны деревьев до середины ноября оставались зелеными. Французы мало-помалу уверовали в особое взаимопонимание между Небесами и Бонапартом, к этому времени уже пожизненным консулом, что в немалой степени способствовало укреплению его авторитета; и удивительное дело — в тот знаменательный день, в 1812 году, когда солнце обмануло ожидания императора, успех также изменил ему¹... Пятнадцатого ноября того же года, около четырех пополудни, ярко освещенные вершины столетних вязов, выстроившихся в четыре ряда вдоль дороги, ведущей к господскому дому, казались припорошенными красной солнечной пылью; поблескивали в лучах дневного светила и песок, и густой

¹ «Вот солнце Аустерлица!» — воскликнул Наполеон, обращаясь к своим офицерам 26 августа 1812 года перед Бородинским сражением. Этой фразой он хотел напомнить о победе, одержанной им под Аустерлицем 2 декабря 1805 г. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

травянистый ковер огромного рон-пуэна¹ — такие еще можно найти за городом, где земля некогда была так дешева, что ее не скупясь использовали в декоративных целях. Воздух был так чист, а погода так хороша, что некое семейство расположилось возле своего дома, словно летом. Мужчина в зеленой тиковой охотничьей куртке, с зелеными же пуговицами, в коротких штанах и гетрах из той же ткани, доходивших до колен, и в туфлях с тонкими подошвами чистил карабин с аккуратностью и старанием, подобно опытному охотникам в минуты досуга. При нем не было ни ягдташа, ни дичи, ни чего-либо еще, что наводило бы на мысль о том, что он собирается на охоту или уже успел вернуться, и две сидящие неподалеку женщины взирали на него с нескрываемой тревогой. Если бы кто-то, затаившись в кустах, наблюдал в этот момент за происходящим, он, вне всяких сомнений, содрогнулся бы так же, как содрогались пожилая теща и жена этого мужчины. Здесь, в департаменте Об, простой охотник не соблюдает стольких предосторожностей, отправляясь в лес за добычей, и не берет с собой тяжелый нарезной карабин.

— Ты хочешь подстрелить косулю, Мишю? — спросила у него молодая красавица супруга, пытаясь изобразить на лице улыбку.

Прежде чем ответить, Мишю внимательно посмотрел на своего пса. Тот еще недавно грелся на солнце, положив морду на вытянутые лапы, — это живописная поза, какую часто принимают охотничьи собаки, — но теперь встал и настороженно принюхивался, поводя носом то в сторону аллеи

¹ Рон-пуэн (фр. *rond-point*) — лужайка или клумба, обычно круглой либо овальной формы, разбитая на месте пересечения аллей.

длиною четверть лье, начинавшейся прямо возле дома, то в сторону проселочной дороги, которая подходила к ронпуэну слева.

— Нет, — отвечал Мишю, — я охочусь на хищника, которого ни за что не упущу, — на рысь!

Пес, великолепный белый с коричневыми пятнами спаниель, зарычал.

— Вон оно что, — проговорил Мишю себе под нос, — шпионы! Окрестности просто кишат ими!

Мадам Мишю горестно воздела очи к небу. При взгляде на эту красивую голубоглазую блондинку с фигурой античной статуи, задумчивую и настороженную, можно было подумать, что ее снедает черная тоска. Внешность ее супруга отчасти объясняла тревогу, испытываемую обеими женщинами. Законы физиогномики точны, причем применительно не только к людским характерам, но и к судьбам. Иные физиономии можно назвать пророческими. Если б только можно было (и эта живая статистика оказалась бы весьма полезной для общества!) получить точные портреты тех, кто закончил свои дни на эшафоте, наука Лафатера¹ и Галля² неоспоримо доказала бы, что головы всех этих людей, даже невинных, имеют странные особенности. Да, рок клеймит особой печатью черты человека, которому суждено погибнуть насильственной смертью! Такая отметина, очевидная

¹ Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский поэт и богослов, автор «Физиогномических фрагментов», в которых выдвинул ряд ненаучных положений о соответствии черт лица характеру человека. (*Примеч. ред.*)

² Галль Франц Иосиф (1758—1828) — австрийский анатом, пытавшийся на основании формы черепа делать заключения о душевных свойствах и мыслительных способностях человека. (*Примеч. ред.*)

для искушенного взгляда, имелась и на выразительном лице мужчины с карабином. Мишю был небольшого роста, коренастый, с движениями порывистыми и по-обезьяньи ловкими и при этом обладал весьма спокойным нравом. Черты его белого, с красными прожилками лица казались смещенными к центру, как у калмыка, и рыжие вьющиеся волосы придавали ему зловещее выражение. Желтоватые, как у тигра, глаза Мишю были глубоко посажены, и взгляд всякого, кто решался на него посмотреть, мог утонуть в них, как в бездне, так и не обнаружив ни волнения, ни тепла. Неподвижные, сияющие и суровые, они повергали в ужас. Постоянное противоречие между застывшим взором и проворным телом лишь усиливало леденящее кровь впечатление, которое Мишю производил при первой встрече. Он был из тех, кто быстро переходит от мысли к действию, и мысль эта всегда была предельно ясна и конкретна; так в природе все живое беспрекословно подчиняется инстинкту. С 1793 года Мишю носил окладистую бороду, и даже не будь он во времена послереволюционного террора председателем клуба якобинцев, одной этой рыжей бороды было бы достаточно, чтобы наводить на всех ужас. Его сократовскую физиономию с курносом носом венчал высокий лоб, настолько выпуклый, что он, казалось, нависал над лицом. Уши неплотно прилегали к голове и отличались своеобразной подвижностью, подобно ушам дикого зверя, который всегда настороже, а рот был постоянно чуть приоткрыт — привычка, свойственная многим сельским жителям, — так что видны были зубы, пусть и неровные, зато крепкие и белые, как миндальные орехи. Белое лицо, на котором кое-где проступали красные пятна, обрамляли густые блестящие бакенбарды. Волосы, остриженные коротко спереди и чуть длиннее — по бокам и на

затылке, их ярко-рыжий цвет лишь подчеркивал все необычное и фатальное, что было в этой физиономии. Шея, короткая и толстая, словно просилась под топор правосудия. Охотничий пес то и дело поглядывал на хозяев. В тот момент лучи солнца падали на эту троицу — мужа, жену и тещу — сбоку, превосходнейшим образом освещая их лица. Декорации, на фоне которых разворачивалась эта сцена, были великолепны. Рон-пуэн располагался на окраине парка в Гондревилле — без преувеличения красивейшем имении департамента Об и одном из богатейших во Франции. Роскошные вязовые аллеи, шато¹, построенное по эскизам Мансара², обнесенный оградой парк площадью полторы сотни арпанов³, девять больших ферм, лес, луга, несколько мельниц... До Революции все это поистине королевское великолепие принадлежало семейству де Симёз. Фамилия эта происходила от названия фьефа⁴ в Лотарингии и поначалу производилась чуть иначе, но об этом все уже давно забыли.

Значительное состояние дворянского рода де Симёз, состоявшего на службе у Бургундского дома, восходит к временам, когда де Гизы враждовали с династией Валуа. Ришелье, а затем и Людовик XIV не забыли о том, как преданно служили де Симёзы мятежному Лотарингскому дому, поэтому путь к королевскому двору им был заказан. Тогдашний маркиз

¹ Шато (фр. *chateau*) — принятое во Франции название роскошного загородного дома, принадлежащего аристократическому семейству, часто с парком и винодельческим хозяйством.

² Мансар Франсуа (1598—1666) — архитектор, зачинатель классицизма во Франции. (*Примеч. ред.*)

³ Старинная французская единица измерения площади, составлявшая порядка 3 424,6 м².

⁴ Фьеф (фр. *feief*) — ленное поместье.